

ЖИВЫЯ ДУШИ.

ОЧЕРКЪ

нравственных сил современной Россіи.

II.

Вировская обитель.

Вировскій монастырь находится въ Сѣдлецкой губерніи, Соколовскомъ уѣздѣ. Отъ станціи ж. д. Соколовъ до Вирова что-то около 25 верстѣ. Нашъ поѣздъ прибылъ въ Соколовъ часовѣ въ 9 утра 17 сентября. Этотъ день въ Вировѣ праздничный. У вокзала я съ своимъ спутникомъ сѣлъ на одноконку. Скверныя мостовыя уѣзднаго города смѣнились, едва мы выѣхали изъ него, великолѣпнымъ казеннымъ шоссе. Мы вдругъ поняли, почему нашъ возница общалъ намъ съ увѣренностью, что мы еще застанемъ въ Вировѣ праздничную службу. Лошадка бѣжала быстрою рысью... Былъ чудный солнечный день, въ блескѣ котораго разстилались поля Сѣверо-западнаго края. Хотѣлось не говорить, а думать и думать. На фонѣ дѣйствительности въ воображеніи развертывались картины далекаго и недалекаго прошлаго. „Это фольваркъ папа такого-то“, говорилъ намъ время отъ времени нашъ возница. Всюду возвышались громадныя кресты съ латинскими распятіями. И эти черточки придавали пейзажу своеобразный характеръ, будили воспоминанія о своеобразной исторіи, заставляли думать о грядущемъ и „нашихъ“ задачахъ. Мы ѣхали по полямъ католиковъ и калакутъ (упорствующихъ уніатовъ). Невольно думалось на темы, затронутыя священникомъ-публицистомъ І. Фуделемъ въ извѣстной

трилогіи *Наше дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ*. „Обитель расположена въ мѣстности, заселенной сплошь упорствующими, которые въ своей ненависти ко всему православному поддерживаются тайною іезуитской пропагандой. Эти несчастные, забывъ вѣру предковъ, десятки лѣтъ находятся внѣ церковнаго воздѣйствія, отказываясь войти въ церковную ограду; не крестятъ младенцевъ, вырастаютъ и умираютъ безъ церковнаго напутствія. Безпроглядное невѣжество и дикость, сбитаая съ толку вражьими навѣтами, служатъ причиной такого положенія дѣлъ“. Католичество Польши имѣетъ политическое значеніе. Въ 64—65 годахъ Муравьевъ рѣшился очистить край отъ католичества. Появились „обращенія“ крестьянъ-католиковъ цѣлыми приходами. Миссіонерами оказались чиновники, которые сами посѣщали храмъ только въ табельные дни. Наряду съ чиновниками-миссіонерами появился особый типъ „боеваго“ священника, въ политическомъ смыслѣ этого слова. „Это совсѣмъ особый типъ священника, незнакомый центральной Россіи и выработанный жизнью западной окраины преимущественно воздѣйствіемъ на нее католическихъ понятій. Такъ и называются эти священники боевые. Они представляютъ изъ себя довольно точную копію ксендзовъ. По крайней мѣрѣ дѣйствія ихъ всецѣло исходятъ изъ положенія: цѣль оправдываетъ средства. Высокомѣрное отношеніе къ своимъ прихожанамъ, подчиненіе ихъ себѣ посредствомъ тонко-выработанной дисциплины, разжиганіе въ нихъ политической ненависти къ своимъ противникамъ — достаточно характеризуетъ ихъ. Борьба явная и тайная съ ксендзами всѣми возможными средствами, постоянные розыски лицъ, упорно отклоняющихся отъ Православія, воздѣйствіе на нихъ чрезъ посредство чиновъ полиціи, постоянное хожденіе по судамъ и возбужденіе дѣлъ о совращеніи—занимаетъ у этихъ пастырей все ихъ свободное время“. Результаты такого миссіонерства чиновниковъ и пастырей, легко понять, были не особенно благопріятны для истиннаго дѣла православной церкви. Необходимо искать новыхъ путей православнаго миссіонерства. „Чѣмъ больше свѣта будетъ внесено въ эту тьму упорствующихъ, чѣмъ больше тепла почувствуютъ эти закоренѣвшіе люди, тѣмъ скорѣе рухнетъ искусственная преграда между ими и нами. И этотъ свѣтъ и это тепло мо-

жетъ внести только женщина. Кому неизвѣстно громадное вліяніе женщины въ семьѣ? Женщина можетъ внести въ семью тотъ духъ, который ей самой внушенъ, и дѣлаетъ она это всегда съ тою долею фанатизма и упорства, на которое способна только женщина. Стало быть воспитаніе дѣвочки, воспитаніе будущихъ женъ и матерей—есть первое условіе и единственно-вѣрное средство для достиженія нашихъ цѣлей. Мы говоримъ *воспитаніе* и подчеркиваемъ это слово, такъ какъ простое обученіе грамотѣ еще слишкомъ недостаточно для воздѣйствія на семью. Тутъ нужна выработка въ извѣстномъ направленіи, закалка духа. Эту выработку даетъ религіозно-нравственное воспитаніе въ хорошей церковно-приходской школѣ подъ воздѣйствіемъ Церкви“.

Такова обстановка, въ которой дѣйствуютъ наши знаменитые сѣверо-западные монастыри новаго типа—Вировскій и Лѣснинскій. Я ѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть миссіонерскіе плоды дѣятельности этихъ монастырей,—я интересуюсь исключительно ихъ нравственными, евангельскими задачами,—и меня радуетъ, что почтенный пастырь-публицистъ ставитъ наше сѣверо-западное дѣло на нравственную почву. Но ужъ если зашла рѣчь о церковной обстановкѣ, которая придаетъ особый отбѣнокъ нравственной дѣятельности ихъ, то считаю нужнымъ отмѣтить тѣ измѣненія, которыя произведены въ этой обстановкѣ недавнимъ манифестомъ о свободѣ совѣсти. Многіе рѣшали этотъ вопросъ, съ теоретической точки зрѣнія, радикально и безъ ограниченій. Но трудно было предвидѣть, къ какимъ послѣдствіямъ привела свобода совѣсти на сѣверо-западной окраинѣ. Православіе быстро оказалось гонимымъ и совершенно беззащитнымъ. Національное католичество Польши отпраздновало свободу совѣсти необычайно торжественно. Мѣстность, по которой мы ѣхали, изобиловала, кромѣ старинныхъ крестовъ, свѣжими триумфальными воротами изъ зелени. Это слѣды объѣзда мѣстности католическимъ епископомъ при новыхъ условіяхъ. Его сопровождали огромныя толпы ликующаго народа, его окружала конница изъ нѣсколькихъ сотенъ всадниковъ въ національныхъ костюмахъ. Уже одна эта пышность угнетала православныхъ. Но этого мало. Всюду раздавались побѣдные клики католичества: „пришелъ конецъ русской схизмѣ. Самъ

царь принялъ польскую вѣру. Спѣшите, говорили католики православнымъ, принять католичество, — иначе вы скоро останетесь безъ крещенія и вѣнчанія“. Цѣлые приходы обращенныхъ прежде въ православіе политическихъ средствами объявляли себя теперь католиками. Исконно-православнымъ ставились всякія затрудненія въ удовлетвореніи религиознымъ потребностямъ. Раздался плачъ православныхъ... Конечно, эти побѣдные клики католичества, его наступленіе— не подавляли бы православія, если бы православные оказались болѣе подготовленными къ новымъ порядкамъ. Но новые порядки явились неожиданно; православный народъ къ нимъ не былъ подготовленъ. Наканунѣ манифеста у насъ не позволялось писать о свободѣ совѣсти. Въ моментъ радостнаго по существу манифеста сказались горькіе плоды византійскаго строя церковной жизни. И вотъ, независимо отъ того, какъ рѣшается вопросъ о свободѣ совѣсти съ теоретической точки зрѣнія, практически отношеніе православія къ католичеству въ сѣверо-западномъ краѣ поставило предъ поборниками евангельскаго мира высокую задачу—укрѣпить, утѣшить, ободрить гонимыхъ, умиротворить враждующихъ...

По Дрогичинскому шоссе мы проѣхали отъ Соколова до Скрешева верстѣ 19. Здѣсь дорога на Вировъ сворачиваетъ въ сторону. Еще не такъ давно этотъ остатокъ пути до обители представлялъ путешественникамъ затрудненія, почти непреодолимые въ распутицу. Нынѣ же, по ходатайству покойной игуменіи Анны, и этотъ путь шоссированъ до самой обители... Мы спустились въ лошину, поднялись на откосъ,—и предъ нами открылась Вировская обитель, расположенная на высокомъ берегу Буга. Обнесенная всего лишь невысокою изгородью, не прячась за стѣнами, скромная обитель показывала намъ, едва мы стали приближаться къ ней, свою внутреннюю жизнь: лужайка внутри изгороди, между зданіями, была усыяна праздничнымъ людомъ—въ глубинѣ предъ главнымъ храмомъ, гдѣ шла еще не окончившаяся литургія, богомольцами, которые не могли помѣститься въ небольшомъ храмѣ, а ближе къ изгороди и повсюду—дѣтьми. Пестрая праздничная толпа. И непріятно поразило насъ, что подъ самымъ монастыремъ шла оживленная работа—осенняя пахота. Нашъ возница разсѣялъ наше недоумѣніе: небольшой—обидно небольшой участокъ.

занимаемый монастырскими зданіями, окруженъ землею, не принадлежащею монастырю. Если бы не отсутствіе панскихъ построекъ близъ монастыря, если бы не широкій видъ, открывающійся въ сторону Буга, если бы не извѣстная скромность святаго мѣста и всепобѣждающая кротость его обитательницъ, не отгораживающихся отъ міра, но несущихъ ему любовь и добро,—то было бы жутко за эту затерявшуюся на чуждой окраинѣ обитель... Шагомъ вѣхали мы въ монастырь. Справа и слѣва живою веселою стѣною стояла дѣтвора, уже отслушавшая свою обѣдню. На насъ смотрѣли сотни любопытныхъ довѣрчивыхъ глазъ, насъ привѣтствовали дружелюбные дѣтскіе голоса. Мы видѣли своими глазами то, что трудно видѣть жителямъ средней Россіи: монастырь, переполненный дѣтьми.

Мы вѣхали въ монастырь съ запада; съ восточной стороны отъ него протекаетъ Бугъ, на высококомъ берегу котораго стоитъ главный монастырскій храмъ во имя Всемилоствиваго Спаса—бывшій католическій костелъ. Два ряда монастырскихъ зданій идутъ съ сѣверной и южной сторонъ. Съ сѣверной стороны, слѣва отъ вѣзжающихъ, первыми бросаются въ глаза два красивыхъ и огромныхъ зданія—дѣтскій пріютъ и далѣе школа съ Свято-Леонтьевскою церковью для дѣтей. Зданія новыя каменные, двухъэтажныя. Далѣе, противъ храма, въ глубинѣ сада небольшая гостиница, предъ нею, ближе къ храму, два миниатюрные домика—одинъ служить для пріема почетныхъ гостей и другой живописная. Этотъ рядъ построекъ оканчивается службами, расположенными уже внизу на берегу рѣки и не видными со стороны вѣзда. Справа отъ вѣзжающихъ, еще внѣ изгороди, находятся пять домиковъ для монастырскаго причта. Затѣмъ, внутри монастыря, идетъ рядъ зданій, кажется, соединенныхъ между собою—богачѣльня, больница, „монашеская“ церковь во имя св. Серафима, кельи и, уже противъ храма, въ глубинѣ сада, трапезная, помѣщеніе игуменіи, канцелярія. Послѣднія помѣщенія—старый ксендзовскій домъ, обнесенный верандою, которая и служитъ трапезною въ лѣтнее время. Уже бѣглый обзоръ монастырскихъ зданій въ высшей степени поучителенъ и наводитъ на многія размышленія. Все бросающееся въ глаза, возможно красивое, удобное и даже богатое—это храмы и благотворительныя

учрежденія. Храмы еще сравнительно бѣдны. Бѣденъ и недостаточно помѣстителенъ главный храмъ; умиляетъ своею скромностью „монашеская“ домовая церковь, но уже хороша дѣтская церковь—высотой въ два этажа, съ хорами. Настоящимъ архитектурнымъ украшеніемъ монастыря служатъ оба зданія для дѣтей. Во всякомъ случаѣ поражаетъ наряду съ красивыми и богатыми дѣтскими помѣщеніями скромность монашескихъ помѣщеній. Въ монашескомъ зданіи имѣются келліи только для немногихъ монахинь; комната игуменіи болѣе, чѣмъ проста и неприхотлива. Видъ монастырскихъ зданій невольно заставляетъ спросить: гдѣ же помѣщаются сестры? Ближайшее знакомство съ монастырскою жизнью дало намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: сестры—а ихъ до 200—находятъ себѣ пристанище тамъ же, гдѣ проходятъ послушаніе: въ аптекѣ, въ больницѣ, въ богадѣльнѣ, въ дѣтскомъ пріютѣ, въ школѣ. Какойнибудь уголокъ, каморка на чердакѣ, на полу въ комнатѣ, которая освобождается на ночь—въ дѣтской столовой и т. д. и т. д.—вотъ мѣста ночного покоя сестеръ-труженицъ. Все для другихъ и почти ничего для себя—таковъ девизъ монастыря.

Въ гостиницѣ мы помысливъ съ дороги и переодѣлись,—и поспѣшили въ церковь. Мы застали конецъ литургіи, которую совершалъ холмскій преосвященный Евлогій. Изъ боковой комнатки при алтарѣ, гдѣ мы стали, не было видно хода богослуженія, издали доносились слова и пѣніе. И мысль уносилась вдаль; думалось о томъ, что было прежде тамъ, гдѣ теперь мѣсто свято. „Вировъ когда-то былъ страшилищемъ всякаго запоздалаго путника. Овраги надъ Бугомъ, прикрытые кустами въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обосновалась женская Вировская пустынь, служили удобнымъ уголкомъ, за которымъ въ былое время тайлся не одинъ разбойникъ и бродяга. Разумѣется, это было давно и было емъ поросло. Окрестные жители и даже власти имѣли основаніе тогда избѣгать этого мѣста, а странникъ дѣлалъ значительный кругъ, лишь бы обойти завѣдомый притонъ. Позднѣйшая исторія Вирова не сложна. Въ 1894 году вировскій, много лѣтъ пустовавшій по случаю закрытія, костель былъ перестроенъ въ церковь, а 31 іюля того же года новоустроенный храмъ былъ освященъ“: вотъ что уже прежде я прочиталъ у С. Колосова „Изъ дорожной записной книжки“.

Въ воображеніи рисовались картины изъ прошлаго по контрасту съ настоящимъ.

По окончаніи литургіи былъ совершенъ крестный ходъ на могилу покойной игуменіи Анны, находящуюся недалеко отъ храма съ южной стороны. Скромная могилка, но какъ много она говоритъ и напоминаетъ обитательницамъ Вирова. Это ихъ святыня. Покойная игуменія Анна то же для Вировской обители, что В. Княгиня—въ иночествѣ Анастасія для Покровскаго монастыря и что игуменія Екатерина для Лѣсинскаго монастыря. Какъ при ея жизни монастырь жилъ ею, такъ теперь живетъ памятью о ней. „Чтобы убѣдиться, писала намъ игуменія Софія (въ мірѣ княгиня С. А. Шаховская), преемница игуменіи Анны, отъ которой я получилъ сердечное благословеніе посѣтить Вировъ,—чтобы убѣдиться, до какой степени жива и постоянна память о святой подвижницѣ въ обители нашей, Вамъ необходимо пріѣхать къ намъ и тогда Вы увидите, что, какъ выразилась одна богомолца, не знавшая ея,—въ Вировѣ пѣснь „Вѣчная память“ совершенно теряетъ свое ужасающее значеніе, такъ постоянно и съ любовью слышится она и въ церкви и на дорогой могилкѣ, гдѣ сестры и дѣти по нѣскольку разъ въ день поютъ ее, и въ келліи покойной Матушки, въ которой каждую недѣлю служится литія и которая оставлена нами въ томъ видѣ, какъ она была при жизни усопшей. Не мнѣ, недостойной преемницѣ Ея, возможно что либо прибавить въ Вировѣ, въ духовномъ строѣ обители, и я только прошу Васъ непремѣнно пріѣхать помолиться у насъ, на нашей могилкѣ“...

Покойная игуменія Анна—центральная фигура въ исторіи Вировской обители.

Участвуя въ искренней и горячей молитвѣ вировскихъ труженицъ объ усопшей, я воспроизводилъ въ своей памяти ея жизнь. (Нижеслѣдующія біографическія свѣдѣнія взяты изъ „Некролога игуменіи Вировскаго монастыря Анны“, принадлежащаго перу священника Мизецкаго, бывшаго настоятеля Сѣдлецкой церкви (и нынѣ, кажется, служащаго въ Варшавѣ), который принималъ близкое участіе въ жизни Вировской обители и издалъ нѣсколько брошюръ съ цѣлью популяризаціи свѣдѣній о ней).

Скончавшаяся 29 августа 1903 года игуменія Вировскаго

монастыря Анна, въ мѣрѣ Анна Александровна Потто—дочь завѣдывающаго артиллерійскими складами Брестской крѣпости, родилась въ Брестѣ 9 декабря 1865 года. Еще младенцемъ осталась сиротой, безъ матери. На фотографической карточкѣ, сохранившейся съ того времени, когда ей было 6 лѣтъ, видимъ Анну Александровну худенькою, съ задумчивыми, не по лѣтамъ серьезными, скорбными глазками, съ густыми длинными двумя косами...

Въ Варшавѣ „Аня“ дѣлается неузнаваемою, другимъ существомъ. Она тамъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ г-жи Брендель, откуда ходитъ въ первую женскую гимназію. Когда она на каникулы прїѣзжаетъ въ Брестъ, ее не узнаютъ: живая, граціозная, танцующая, всѣхъ одушевляющая. 15½ лѣтъ отъ роду Анна Александровна кончаетъ гимназію съ медалью. Назначенная на должность помощницы главной воспитательницы Холмскаго Маріинскаго училища Маріи Наумовны Нолле, она въ ней находитъ свою вторую мать, подъ ея руководствомъ проходитъ житейскую науку, дѣлается серьезнымъ труженикомъ. Шесть лѣтъ административной, учебной и хозяйственной жизни въ Холмѣ были отличною подготовкою для будущей игуменіи Вировскаго монастыря. Совершенно новый, невѣдомый дотолѣ мѣръ вносить въ идеальную душу Анны Александровны Потто Холмская гора, Архіепископъ Леонтій, Епископъ Флавіанъ, ученые монахи—Антоній, Владиміръ, Серафимъ... Въ это время и Лѣснинская обитель стала манить къ себѣ своими подвигами уже замѣчательную Анну Александровну. Когда она прїѣзжала изъ Холма въ Брестъ, новая переменѣ съ нею бросалась въ глаза. „Правда-ли, что Аня въ монастырь поступаетъ“, спрашивали прежніе ея друзья и подруги... Выходъ въ отставку М. Н. Нолле и переводъ Анны Александровны изъ Холма въ Калишскую гимназію сдѣлалъ ее замкнутою, пока она черезъ два года послѣ того не поступила въ Лѣснинскій монастырь. Здѣсь она имѣла предъ собою житіе препод. Теодосія въ Кіевопечерской лаврѣ до игуменства: первою въ церковь приходила, послѣднею выходила; усердно участвовала въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ. Подъ руководствомъ старца протоіерея Тимофея Софроновича она изучила практически весь церковный уставъ, отъ буквального исполненія котораго до смерти не отступала и на іоту. Знавшіе ее

знають и ея искусство владѣть перомъ,—этотъ даръ она принесла на службу обители, работая постоянно въ ея канцеляріи. Знаніе канцелярской работы весьма пригодилося потомъ для Вирова. Она же уроки давала дѣтямъ въ монастырской школѣ, она же и благочинною скоро стала въ обители... 22 сентября 1890 года Архіепископъ Леонтій постригъ ее въ рясофоръ.

Много выпустила изъ своего Лѣснинскаго гнѣзда знаменитая игуменія Екатерина птенцовъ своихъ. Въ разныхъ мѣстахъ они продолжаютъ нести великіе ея апостольскіе труды. Теолинъ, Радочница, Турковицы, Красностокъ... Но труды м. Анны въ Вировѣ паче другихъ.

Пробывъ годъ въ Теолинѣ, съ 18 октября 1893 года, гдѣ она трудилась въ дѣлѣ созиданія обители, 18 сентября 1894 года она получила назначеніе бытъ завѣдывающею Вировскимъ отдѣленіемъ Лѣснинскаго монастыря. Что она тогда застала и что оставила? Застала церковь и два деревянныхъ ветхихъ дома, еще покоевельныхъ, — оставляетъ созданныя ею многочисленныя зданія... Земли въ обители мать Анна прикупила у помѣщика на 6 тысячъ рублей, пожертвованныхъ Государемъ Императоромъ изъ личныхъ средствъ. Много хлопотала Матушка, пока получила для обители пожалованное имѣніе Ставы въ Гродненской губерціи. Оно еще въ арендѣ отъ казны. Вблизи монастыря м. Анна купила два имѣнія—одно въ Чекановѣ за 37 тысячъ руб., лично ею выпрошенныхъ у Государя Императора. Тамъ она устроила сельско-хозяйственную школу для дѣтей. Другое—въ Моложевѣ, гдѣ возвела нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ построекъ для двуклассной мужской школы. На какія же средства все это въ обители Вировской, въ Чекановѣ и Моложевѣ м. Анна построила и устроила? Трудно вообразить, какими она неимоверными трудами добывала на все это средства. Крѣпко вѣруя въ помощь Божію, огнемъ горя состраданіемъ къ ближнимъ, она никому не отказывала, всѣхъ принимала, строила для нихъ въ долгъ, въ долгъ одѣвала и кормила, и потомъ слезы лила предъ кѣмъ слѣдуетъ и просила. Въ какихъ она постоянно затруднительныхъ обстоятельствахъ была—ужасъ находить! И такъ все время, такъ до смерти. Посѣтивъ обитель въ первый годъ житія м. Анны въ Вировѣ, ея жизнеописатель протоіерей

Мизецкій узналъ здѣсь, что м. Анна и 12 сестеръ нѣсколько уже дней ничего не ѣдятъ; хлѣба и картофеля нѣтъ. А онѣ и не говорятъ ничего и не пишутъ. Чтобы увеличить свою личную помощь, почтенный протоіерей сдѣлалъ въ Сѣдлецѣ подписку среди дамъ и собранное отправилъ въ Вировъ. Скоро въ обители обучалось до 30 дѣтей. Для нихъ тоже сборъ былъ въ Сѣдлецѣ. Собирались пожертвованія всѣмъ—платьемъ, полотномъ, платками, обувью и пр. Прошелъ годъ, а нищета въ Вировѣ была неописанная. Получилъ о. протоіерей отъ Архіепископа Флавіана письмо прибыть къ нему по дѣлу о печальномъ состояніи Вировскаго отдѣленія Лѣснинскаго монастыря, такъ какъ оное не имѣетъ средствъ къ существованію. Это отдѣленіе Лѣснинскаго монастыря тогда существовало только церковною землею въ Чекановѣ. Уже поѣхалъ онъ съ м. Анною въ Варшаву. Но какъ разъ въ этотъ день на имя м. Анны прислалъ первое свое письмо съ деньгами о. Іоаннъ Кронштадтскій. Радости м. Анны конца не было. И Владыка согласился продлить существованіе Вирова.

Высокоподвижническая, просвѣтительная и благотворительная дѣятельность матери Анны въ Вировѣ стала извѣстною въ Варшавѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Отовсюду ей стали присылать помощь. Особенно сталъ благоволить къ ней о. Іоаннъ Кронштадтскій, который даже посѣтилъ обитель Анны. Въ Варшавѣ къ ней очень благоволилъ князь Имеретинскій и супруга его Анна Александровна... Архіепископъ Флавіанъ часто благотворилъ обители и былъ внимателенъ къ нуждамъ ея настоятельницы. Любилъ ее, едва-ли не больше всѣхъ, Высокопреосвященный Іеронимъ и много ей лично и обители помогалъ. Отеческую любовь свою къ ней онъ особенно выразилъ въ рѣчи при возведеніи ея въ санъ игуменьи 1 авг. 1899 года, вручая ей игуменскій жезлъ. Тогда же и Вировъ возведенъ былъ въ первоклассный монастырь.

Слава о Вировской обители и о ея настоятельницѣ дошла и до Государя. 23 мая 1898 года на докладѣ синодальнаго оберъ-прокурора Онъ написалъ: „Благотворная дѣятельность Вировской общины имѣетъ важное значеніе для всего населенія въ краѣ. Приобрѣтеніе земли настоятельно необходимо. Нужную для этого сумму 6000 рублей жертвую отъ себя“. Чрезъ два мѣсяца послѣ этого, 21 іюля, м. Анна имѣла сча-

стве представляться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. 9 октября 1901 года въ Спалѣ второй разъ представлялась она Ихъ Величествамъ и тамъ удостоилась продолжительной бесѣды о состояніи своей обители. Государь не только исполнилъ всѣ просьбы м. Анны, но потомъ къ празднику Рождества Христова и сверхъ просьбы осчастливилъ присылкою обители 1000 руб. Предъ своею смертію м. Анна была утѣшена извѣстіемъ, что Государь Императоръ повелѣлъ выдавать изъ Государственного казначейства на нужды Вировской обители ежегодно по 23 тысячи 500 руб.

Въ апрѣлѣ 1902 года м. Анна была по дѣламъ обители въ Петербургѣ, и тамъ открылась въ ней сильная чахотка. Чтобы спасти драгоценную жизнь дорогого человѣка, м. Анну отправили 22 апрѣля въ Италію, откуда 20 іюля она возвратилась поправившеюся, съ надеждою на выздоровленіе. Но она немедленно съ такимъ жаромъ отдалась работѣ, что болѣзнь возвратилась, и ее, больную, опять отправили въ Nervi 17 ноября. 7 мая 1903 года она возвратилась изъ-заграницы безъ голоса, еле двигаясь. По пути въ Nervi она, по особому случаю, была у Венеціанскаго патріарха, кардинала Джузеппе Сарто и получила отъ него благословеніе. Тогда никто не зналъ, что онъ скоро будетъ папою Піемъ X. За мѣсяць предъ смертію м. Анна получила отъ Кіевского митрополита 2 тысячи рублей на постройку трапезной церкви во имя Серафима Саровскаго. 31 іюля была закладка этой церкви, но м. Анна этого торжества не могла видѣть, болѣзнь уже приковала ее къ одному мѣсту. 19 іюля ее въ послѣдній разъ носили въ церковь. Съ 1 августа она ежедневно причащалась. Въ послѣдній день причастилась два раза, утромъ и вечеромъ. Сама сказала читать молитвы на исходѣ своей души. Когда что не внятно читали, она просила читать медленно и ясно. Прощалась со всѣми сестрами, плачущими и рыдающими. Около 12 часовъ ночи просила читать евангеліе. Читали о блаженствахъ. Претерпѣвая страшныя страданія, она просила поминутно: „молитесь, молитесь, чтобы Господь помогъ мнѣ вынести эти страданія. Я просила у Бога страданій. Не знала, что они такъ тяжелы“. Своего духовника она просила положить руки ей на голову и молиться. Говорила, что ей такъ легче. Въ 12 часовъ ночи она отпустила духовника, сказавъ ему: „идите домой и тамъ мо-

литесь, чтобы Господь принялъ мою душу“. Сестры потомъ слышали, какъ умирающая говорила: „Господи, слава Тебѣ! Господи, благодарю Тебя!“ Въ 1 часъ ночи подвижница Христова предала Ему духъ свой...

Это жизнеописаніе—житіе святой, но и отличается нѣкоторыми чертами отъ обычнаго типа житій. Была живая, граціозная, любила танцы... Затѣмъ самое острое подвижничество,—такое подвижничество, что Лѣснинская игуменія Екатерина отсылаетъ ее отъ себя на самостоятельный постъ въ Вировъ съ словами: „я не хочу, чтобы ты у меня на глазахъ умирала въ чахоткѣ“. Эти слова оказались пророческими. Но и умирая отъ своего подвижничества, м. Анна не умѣщалась въ застывшей формѣ житійной святости. „Ей хотѣлось жить“, говорила намъ м. Софія, сопровождавшая покойную въ Nervi. „Ей не хотѣлось умирать“, передавала и м. Екатерина. „Ты на меня не сердись, говорила ей, прощаясь, усопшая,—каюсь, каюсь“... На полотнѣ такой жизнерадостности картина христіанскаго устремленія къ небу оказывается религіозною тайною, выступающею за рамки социальной пользы. Съ религіозной точки зрѣнія цѣнны личности, а не дѣла.

Въ описаніи погребенія м. Анны мнѣ глубоко запала въ душу одна страничка. Первый день и ночь по смерти ея были дождливые. Въ воскресенье 31 августа утромъ выкатилось изъ-за Буга чудное ясное солнце. Такъ оно, пишетъ протоіерей Мизецкій, восходило и въ XV вѣкѣ, когда, по свѣдѣніямъ изъ Виленскаго центрального архива, здѣсь была православная церковь; такъ оно восходило и въ 1712 году, когда умеръ незабвенный создатель церкви Іоанна Крестителя въ Вировѣ Іоаннъ Годлевскій; такъ оно восходило и 100 лѣтъ послѣ того, когда Кушель сжегъ все, созданное Годлевскимъ; такъ оно восходило, когда въ наши дни, послѣ воссоединенія униатовъ, ксендзъ Вировскій сдѣлалъ Вировъ центромъ упорства; такъ оно восходило, когда этотъ ксендзъ въ день воскресный утромъ застрѣлилъ себя двадцать лѣтъ назадъ; такъ оно восходило, когда 10 лѣтъ назадъ опять въ Вировѣ воскресла церковь и православіе... Былъ такой случай. Чей-то черепъ изъ размытаго Бугомъ кладбища Вировскаго, древняго, принесла вода къ берегу обители, когда тамъ стояла мать Анна. Она взяла изъ воды

черепъ, благословила его, сотворила надъ нимъ молитву, зря къ востоку. И солнце глядѣло на тотъ черепъ. Матушка понесла его на гору свою и погребла при церкви. Девять лѣтъ солнце Вировское, восходя за Бугомъ, первымъ дѣломъ глядѣло въ келлію м. Анны и почти всегда заставляло ее за работою, измученную, еще не дававшую сна очамъ своимъ. Иногда солнце видѣло тамъ то, что такъ тщательно скрывалось отъ всѣхъ, напр. лежащаго въ крошечной келліи игуменѣи больнаго нищаго.... Въ послѣдніе два мѣсяца солнце глядѣло уже и на нее болящую, изсохшую, зрящую къ смерти. 31 августа оно явилось, послѣ предшествовавшихъ пасмурныхъ дней, во всей славѣ видѣть славное погребеніе закрывшей очи навѣки неусыпавшей въ ношныхъ и дневныхъ трудахъ и молитвахъ Вировской Анны.

Я припомнилъ эту страницу, потому что и 17 сентября 1905 года яркое солнце освѣщало и славу крестнаго хода и толпы слезно молящихся монастырскихъ сестеръ и монастырскихъ дѣтей. Мѣсто своей могилы покойная подвижница сама выбрала,—съ правой стороны Вировскаго храма, противъ алтаря. Сюда она просила выносить ее въ послѣдніе дни; тамъ сидѣла и говорила: „вотъ сюда вы будете ходить ко мнѣ и бесѣдовать со мною на моей могилѣ“...

Красный звонъ обратилъ наше вниманіе на... знаменитую монастырскую колокольню. Она находится къ югу отъ входа въ храмъ, недалеко отъ него. По виду это верхушка вѣтряной мельницы, ветхая-преветхая. Конечно, это единственная по своему убожеству колокольня. Не менѣе примѣчательнъ и обитающій въ ней звонарь Θεона. Звонарь этотъ, по чьему-то совѣту, звонилъ по смерти м. Анны день и ночь—40 дней и 40 ночей. Въ брошюркѣ П. Земного *Среди друзей человечества* при описаніи этой колокольни сказано: „здѣсь подъ колоколами въ миниатюрной келійкѣ ютится мать Фіона-звонарь“. Эта описка даетъ поводъ къ добродушному монастырскому юмору... Я позднѣе видѣлъ этого прислужника Вировскаго храма. На его лицѣ сіяла такая безконечная евангельская простота, которую не часто приходится встрѣчать...

По окончаніи службы я былъ свидѣтелемъ трогательной картинки изъ монастырской жизни... Игуменія Софія оставила управленіе монастыремъ по слабости своего здоровья

и особенно по болѣзни ногъ; утромъ этого дня игуменскій посохъ былъ врученъ ея преемницѣ, м. Сусаннѣ. Въ саду, на небольшой площадкѣ предъ бывшимъ ксендзовскимъ домомъ происходило сердечное прощаніе Вировскихъ обительницъ, сестеръ и дѣтей, съ своей Матушкой, оставлявшей управленіе монастыремъ, хотя и не покидавшей монастыря. То, что я видѣлъ, краснорѣчиво говорило о сердечной и нѣжной любви монастырскихъ труженицъ и дѣтей къ достойной замѣстительницѣ покойной м. Анны... Новая игуменія Сусанна (дочь знаменитаго петербургскаго артиста Мельникова), непосредственно предъ тѣмъ подвизавшаяся въ Красностоцкомъ монастырѣ—изъ той же „Лѣснинской“ школы, своя въ этой „семѣ“...

Вслѣдъ затѣмъ мы были приглашены къ трапезѣ на верандѣ „ксендзовскаго“ дома и съ той минуты до самаго отъѣзда мы непрерывно находились въ ласковой атмосферѣ привычнаго и простосердечнаго гостепріимства прежней игуменіи Софіи и новой игуменіи Сусанны. Кромѣ преосвященнаго Евлогія, отбывшаго вскорѣ послѣ обѣда, здѣсь были Лѣснинская игуменія Екатерина и Красностоцкая Елена. Предъ нами была семья родныхъ душъ, согрѣтыхъ одною идеею христіанскаго добра, однимъ родомъ христіанской дѣятельности, хотя и съ индивидуальными оттѣнками. Оживленная и поучительная бесѣда, съ перерывами, затянулась до поздняго вечера.

Въ этомъ же „ксендзовскомъ“ домѣ находится и келлія покойной м. Анны. Трудно представить жилую комнату меньшихъ размѣровъ и съ такою незатѣйливою обстановкою. Передній уголъ завѣшанный иконами; предъ нимъ аналой. Подвижническое ложе. Миниатюрный некрашеный столикъ, на которомъ усопшая вела обширное письмоводство... Сколько было пережито, передумано и перечувствовано въ этихъ стѣнахъ, сколько здѣсь утерто слезъ, сколько облегчено страданій. Здѣсь умеръ восьмидесятилѣтній старикъ, которому не нашлось мѣста въ богадѣльнѣ. Здѣсь лежала 14-лѣтняя католичка, болѣвшая натуральною оспою. Здѣсь помѣщалась больная дифтеритомъ дѣвочка,—за нею м. Анна ухаживала и послѣ того сама опасно хворала. Многочисленная семья офицера, попавшаго въ бѣду, вся была принята м. Анною въ Вировъ и была помѣщена въ домъ за обителью, на пол-

ное содержаніе, пока бѣда не миновала. Семья чиновника, попавшаго въ тюрьму и позднѣе по суду оправданнаго, спаслась отъ голода и холода тоже въ Вировѣ.

Когда все это узнаешь, то начинаешь понимать, что такое великія дѣла, въ которыхъ обнаруживаются великія души. „По дѣламъ ихъ узнаете“. И двойное чувство переполняетъ сердце. Съ одной стороны глубоко постигаешь собственное ничтожество,—но вмѣстѣ съ тѣмъ радуешься за человѣка, за человѣчество,—и въ этомъ соприкосновеніи съ великими душами, съ ихъ дѣлами, самъ становишься лучше, чище: по крайней мѣрѣ хочется быть лучше. Вотъ въ чемъ цѣнность „иного подвига человѣческаго“, отличная отъ социальной пользы. Прекрасныя больницы и школы можно устроить на деньги и ужъ конечно успѣхъ медицинскаго дѣла или учебнаго не зависитъ отъ того, что для этого дѣла, для его основанія „потеряна жизнь человѣческая“. Но цѣнность подвига не въ томъ только, что онъ замѣняетъ хорошія учрежденія,—онъ дорогъ по своему дѣйствію на человѣческую душу. Когда его видишь, слышишь объ немъ, на сердцѣ становится тепло и радостно,—и радости этой ничто не отниметъ, напротивъ она освѣтитъ всякую тьму, побѣдитъ всякую злобу.

Тотъ же характеръ душевнаго умиротворенія имѣетъ и миссіонерство такихъ „православныхъ“, какою была м. Анна. Вотъ уже оглашенный въ печати рассказъ ксендза о покойной подвижницѣ. „Приглашенъ я былъ—передаетъ ксендзъ—настоятельница обители напутствовать умирающаго въ обители католика. Я немедленно отправился исполнить свой долгъ. Подѣзжаю къ монастырю и что же увидѣлъ? Это худая, блѣдная и высокая м. Анна впереди, а за нею всѣ монахини съ возженными свѣчами въ рукахъ ожидали ксендза съ Св. Дарами и привѣтствовали меня, служителя Божія, смиреннымъ поклономъ. Я видалъ всякіе въ жизни виды, но истинно христіанскій поступокъ вировскихъ монахинь сбилъ меня съ толку, и я не сразу нашелся, чтобы дать понять почтеннымъ людямъ, какъ меня тронуло ихъ поведеніе. Въ душѣ моей явилось недоумѣніе: какъ же это такъ—еще вчера ко мнѣ доносились побѣдные клики о томъ, что вировскія монахини пришли сюда бороться и побѣждать. а сегодня вижу ихъ смиренными, воздающими достождл-

ную честь моей религіи, моей святыни? Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени, я ближе поузналъ о дѣлахъ и жизни вировскихъ монахинь. Я не знаю, побѣдятъ ли монахини исторію, добьются ли онѣ коренного переворота въ религіозныхъ воззрѣніяхъ извѣстной части населенія, но что онѣ доживутъ до общаго къ себѣ уваженія отъ окрестнаго населенія, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Какъ ксендзъ, представитель противной партіи, я могу имѣть особые на миссію монахинь взгляды; но, какъ человѣкъ-христіанинъ, я могу только радоваться, что обаяніе православной вѣры и русскихъ людей вступаетъ къ намъ съ восточной границы не при посредствѣ земной стражи, штрафовъ и ограниченія правъ, а чрезъ истинныхъ подвижницъ“...

А вотъ другой, тоже оглашенный въ печати, разговоръ съ католичкой-полькой, которой хотѣлось бы отдать своего мальчика въ Вировъ.

— Развѣ ты знаешь вировскихъ?

— Довольно ихъ тутъ всѣ знаютъ. Всѣмъ помогаютъ, кто бы и зачѣмъ ни пришелъ.

— А развѣ ты не боишься, отдавъ ребенка монахинямъ, что тамъ вѣру ему перемѣнятъ?

— Э, тамъ вѣрѣ выучиваютъ и калакутъ даже. Всѣ одному кресту поклоняемся. Нашей вѣры онѣ не трогаютъ. Вотъ онѣ-то молятся, тамъ молятся! Праведные люди...

Все это достаточно убѣдительно...

На слѣдующій день мы отстояли раннюю литургію въ монашеской церкви и зашли на нѣсколько времени на хоры въ дѣтскую церковь во время поздней литургіи. Монашеская церковь была заполнена инокинями къ одной сторонѣ и богомольцами-мирянами въ остальной части храма. Эти богомольцы—изъ Гродненской губерніи, изъ Забужья. Долженъ засвидѣтельствовать строгую уставность вировскаго богослуженія. Смотря на ряды темныхъ фигуръ и строгихъ лицъ, легко было вообразить, что находишься среди монашеской общины, которая не имѣетъ другой цѣли, кромѣ „спасенія своихъ душъ“. И даже, пожалуй, не во всякомъ „идеальномъ“ монастырѣ молятся такъ много и такъ уставно, какъ въ Вировскомъ. И уже, конечно, такого прекраснаго пѣнія можно было бы пожелать для любого монастыря. Хо-

чется спросить, чѣмъ же навѣянъ извѣстный отрицательный взглядъ на эти монастыри. Истинно-религіозные люди съ ужасомъ прочитали эти строки: „Никто и въ нѣдрахъ церкви православной не препятствуетъ устраивать общины по подобію монастырей; такую общину создала въ Бозѣ почившая княгиня-подвижница нашихъ дней. Но это не монастырь въ собственномъ смыслѣ сего слова: это идеальное, если угодно, благотворительное заведеніе и только. Пусть въ немъ строй жизни походитъ на монастырскій, пусть даже именуется такое учрежденіе монастыремъ,—это будетъ только исключеніемъ изъ общину правила, нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ высшаго идеала монашества. Такихъ уклоненій мы можемъ указать и еще не мало. Таковы наши женскія обители въ западномъ краѣ: Лѣснинская, Вировская“. Высшій идеалъ монашества по мнѣнію автора этихъ строкъ—исключительно душеспасеніе, служеніе „святому эгоизму“. И то обстоятельство, что въ поименованныхъ обителяхъ молитвенный подвигъ доведенъ до совершенства—да и кто можетъ такъ молиться, какъ не тотъ, кто видитъ человѣческія страданія?—это обстоятельство показываетъ, что съ извѣстной точки зрѣнія для идеальнаго состоянія монастыря считаютъ недостаточнымъ положительное условіе—молитвенный подвигъ, но требуютъ еще отрицательнаго условія—принципіальнаго воздержанія отъ подвига служенія ближнему. И эти взгляды высказываютъ подъ знаменемъ православія. Пусть эти монастыри новаго типа представляютъ собою уклоненіе отъ установившагося вида,—вѣдь это уклоненіе въ сторону идеала. И если представители историческаго монашества отрекаются отъ этого новаго типа, то тѣмъ хуже для нихъ. Можно было бы радоваться, если бы такихъ уклоненій было „не мало“.

Когда я вошелъ на хоры Свято-Леонтьевской церкви, то моимъ глазамъ представилось зрѣлище, подобнаго которому я никогда не видалъ. Вся церковь была полна дѣтьми,—лишь вверху стоялъ хоръ инокинь и въ корридорѣ нѣкоторые богомольцы. Дѣти стояли группами, посреди—малолѣтки. Костюмчики однообразные, съ незначительными отличіями въ цвѣтъ по группамъ. Мальчики въ красныхъ рубашкахъ, дѣвочки въ синихъ сарафанчикахъ. У малышей черезъ плечо сумки съ носовыми платками. Дѣти вымыты,

здоровы и радостны; стоятъ чинно и молятся осмысленно. Здѣсь было болѣе 400 дѣтей. Картина была восхитительная; трудно было оторвать глаза. Это побѣдное знамя Вировскаго монастыря, это свидѣтельство его подвижницъ предъ Богомъ и людьми. „Это письмо Христово, чрезъ служеніе ихъ написанное не чернилами, но Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца“. Богу и обществу они уготовляютъ людей, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вѣдь все это или дѣти бѣдныхъ родителей или брошенныя на произволъ судьбы,—это матеріаль, изъ котораго естественно вырабатываются враги общества и Бога, дѣятели и страдальцы дна, хулиганы, разрушительные элементы. И ихъ Вировскія сестры приняли, подобрали, обмыли, накормили, выучили, научили молиться Богу—своими согрѣтыми любовью сердцами.

Потомъ мы осматривали помѣщенія дѣтей и школы. Въ зданіи съ церковью—второклассная женская школа, насчитываетъ до 130 дѣвочекъ. Въ пріютѣ для дѣтей и учениковъ школы грамоты—163; тамъ же малютокъ 11. Затѣмъ двухклассная мужская школа въ селѣ Моложевъ—120 учениковъ; къ богослуженію они пока ходятъ въ монастырскую дѣтскую церковь. Наконецъ Чекановская практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства—24 дѣвочки.

Мы сначала осмотрѣли оба дѣтскихъ монастырскихъ зданія. Не буду касаться учебной и воспитательной техники. Скажу лишь: дѣлается здѣсь для дѣтей все, что только въ человѣческихъ силахъ. Приходится во всемъ экономить, и прежде всего въ помѣщеніи, потому что привимаютъ болѣе, чѣмъ сколько позволяетъ мѣсто, хотя все-же монастырь вынужденъ многимъ отказывать. Особенно тѣснятся въ спальняхъ: устроены здѣсь двухэтажныя сплошныя нары, раздѣленныя небольшими перегородками. Легко понять, что постельное бѣлье не тонкое голландское, но чистое. Опрятный видъ постелекъ и хорошій воздухъ вскрываютъ предъ наблюдателемъ добровольную и сдобную заботу подвижницъ-сестеръ. Даже и такихъ наръ не для всѣхъ достаетъ. Въ углу сложены тюфячки, которые на ночь раскладываются на полу. Какъ бы легко избѣгнуть этой тѣсноты, лишь бы... сократить число призрѣваемыхъ дѣтей. Но здѣсь знаютъ только одну границу—физическую

необходимость, сердце же расширено любовью до безконечности. Дѣти съ видимымъ удовольствіемъ пѣли и читали стихи. Особенно хорошо удается хоровое произношеніе стиховъ. Не умѣющіе читать и писать, малыши научиваются пѣнію и произношенію стиховъ съ голоса. Особенно сильное впечатлѣніе производила комната малютокъ...

Въ брошюркѣ *Среди друзей человечества* П. Земного, посѣтившаго Вировскую обитель, разсказывается: „Для игръ каждый ребенокъ имѣетъ ...быстрыя ножки. Когда я спросилъ, есть ли у нихъ еще какія нибудь игрушки или игры, напр. мячики, кегли, то у многихъ ребятъ появились грустные мины. Очевидно, они если и знаютъ объ этихъ хорошихъ и для нихъ полезныхъ играхъ, то только по названію. Одинъ изъ мальчиковъ нерѣшительно попросилъ: Дядя, привезите намъ игрушки! Его поддержали другіе, и видно было, что всѣмъ имъ хочется получить какія нибудь игрушки. Можетъ быть, просьбу малютокъ услышатъ и другіе, откликнутся на нее, и сообщая удастся доставить дѣтямъ радость и дать имъ возможность безъ шалостей и скуки, но съ пользой и удовольствіемъ проводить долгіе зимніе вечера“...

Я прочиталъ эти строки, прежде чѣмъ поѣхалъ въ Вировъ. Я воспользовался этимъ напоминаніемъ ихъ автора и могу быть ему только благодарнымъ. Повторяю теперь эти строки въ надеждѣ, что кто нибудь и изъ моихъ читателей, пожелавъ посѣтить знаменитыя обители, вспомнить доставить дѣтямъ небольшую радость...

Съ неменьшимъ вниманіемъ осматривали мы затѣмъ богадѣльню и больницу. Въ богадѣльнѣ было до 40 призрѣваемыхъ. Старухи и дѣти. Есть мужчина — совершенно парализованный, принявъ въ богадѣльню чуть не брошенный на улицѣ. Припоминается мнѣ такой случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тамбовѣ доживалъ свой вѣкъ семидесятилѣтній старикъ-протоіерей, у котораго, въ довершеніе его бѣдствій, отнялись ноги. Грошовой пенсіи едва доставало на наемъ прислуги-сидѣлки. Единственная дочь его, служившая въ женской гимназіи и имѣвшая тамъ квартиру, вынуждена была взять его къ себѣ. Начальство воспретило ей это подъ тѣмъ предлогомъ, что неприлично „мужчинѣ“ жить въ стѣнахъ женско-учебнаго заведенія... Очевидно, вировскія сестры далеки отъ такой фарисейской щепетильности.

Среди остальныхъ призрѣваемыхъ есть слѣпая, припадочная—всякія представительницы человѣческаго страданія. Я поинтересовался узнать, гдѣ тотъ мальчикъ—мегалопцефаль, о которомъ сообщалось въ печати, что „умственные способности его угасаютъ съ каждымъ годомъ, но возрастаетъ немовѣрная физическая сила, такъ что съ нимъ подчасъ никто изъ сестеръ не можетъ сладить“. Оказывается, что онъ отправленъ въ извѣстное петербургское благотворительное заведеніе для такого рода несчастныхъ.

Медицинскую помощь сестры оказываютъ въ широкихъ размѣрахъ. Амбулаторныхъ больныхъ они принимаютъ въ годъ нѣсколько тысячъ; бесплатно выдаютъ и лекарства. Занимающіяся леченіемъ сестры рѣдко обращаются къ врачу, тѣмъ болѣе, что это сопряжено съ значительными затрудненіями: ближайшій отъ больницы врачъ живетъ за нѣсколько верстъ. Въ больничныхъ палатахъ, кромѣ больныхъ сестеръ, при насъ въ одной комнатѣ находились три дѣвочки: одна изъ нихъ, недавно принятая, страдаетъ туберкулезомъ костей. Жалкій ребенокъ, дни котораго сочтены. По крайней мѣрѣ будутъ облегчены послѣдніе часы его ласковымъ уходомъ.

Послѣ обѣда мы отправились въ Моложево и Чеканово. Моложево находится къ сѣверу, верстахъ въ двухъ, отъ обители, вверхъ по теченію Буга. При выѣздѣ изъ села, противъ улицы, господствуя надъ нею, высится теперь архитектурно-изысканное каменное двухъэтажное зданіе Моложевской школы, начатое постройкой еще при покойной м. Аннѣ. Оно вполне удовлетворяетъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ, какія предъявляются къ школьнымъ зданіямъ. Обиліе свѣта и воздуха. Осталось лишь немного просушить зданіе внутри и въ него переселяются ученики школы. Домашняя церковь внутри еще совсѣмъ не отдѣлана. Въ подвальномъ этажѣ помѣщеніе для кухни. Трудно повѣрить, что это зданіе стало всего тысячъ 30. Земли здѣсь у Вировскаго монастыря около 15 морговъ, изрѣзанныхъ неудобною черезполосицей, устранить которую монастырю не удастся, несмотря на всѣ старанія. На этой землѣ разведенъ школьный садъ, огородъ и устроена пасѣка. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каменнаго зданія находится деревянный новый домъ, гдѣ теперь помѣщается школа. Домъ довольно удоб-

ный, но недостаточно помѣстительный для 120 человѣкъ, живущихъ въ школѣ на полномъ содержаніи. Вблизи новаго каменнаго зданія до сего времени сохраняется первое помѣщеніе Моложевской школы, о которомъ въ Цер. Вѣд. за 1900 г. № 24 сказано: „Школа эта помѣщается въ зданіи старой корчмы. Прогнившія стѣны кое-какъ замазаны известкой. На всемъ отпечатокъ крайней скудости“. Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ. Но нельзя не вѣрить, видя и теперь эту жалкую хибару. Въ ней теперь школьныя мастерскія—сапожное, столярное и др. Удовлетворяются надобности вировскихъ школъ и вмѣстѣ ученики пріучаются къ разнымъ ремесламъ.

По пути изъ Моложева въ Чеканово мы проѣхали мимо Вировской обители. Здѣсь мы простились съ м. Сусанной, которая дальше насъ не сопровождала. Вся обитель была предъ нами... Когда затѣмъ мы проѣзжали деревню Вировъ, мы наблюдали обычай Вировскихъ игуменій—проѣзжая деревней, раздавать дѣтямъ гостинцы...

Чекановскимъ имѣніемъ, которое находится на пути отъ Вирова къ Соколову, завѣдуетъ управляющая, бывшая помѣщица, опытная хозяйка. Мы осмотрѣли садъ, птичій и скотный дворы и пруды, въ которыхъ разводится рыба... Слышали пѣніе ученицъ, видѣли ихъ разнообразныя работы... За вечерней трапезой, въ квартирѣ любезной управляющей, мы продолжали „вировскую“ бесѣду.

Позднимъ вечеромъ мы простились съ м. Софіей.

Была темь осенней ночи, усиленная пасмурной погодой. Но удобный монастырскій экипажъ дѣлалъ не страшнымъ это ночное путешествіе.

Глубокія чувства благоговѣнія къ подвигамъ Вировскихъ труженицъ и сердечной благодарности за гостепріимство Вировскихъ игуменій переполняли наши сердца.

М. Таръевъ.
